

Скво Вэлли. Путешествие в Зазеркалье.

Как-то летом мы отдыхали на Тахо, и – когда я однажды лениво проглядывала карту озера со всеми окружающими его достопримечательностями – мой глаз неожиданно наткнулся на два слова: «Скво Вэлли». «Скво Вэлли? – задумчиво произнесла я в окружающее пространство. – Скво Вэлли?... Вроде там что-то такое было... Давно... Очень давно.... Какие-то соревнования...»

– Ну, ты даешь! – живо откликнулся мой муж Дима, сидевший рядом и услышавший мои позывные. – Так ведь там была зимняя Олимпиада! В 1960-м!

Ему ли мне не поверить – ему, просиживающему часами перед телевизором – перед «голубым экраном», как тогда говорили – при всяких мало-мальски интересных матчах, уж не говоря о крупных соревнованиях международного класса. Все было: и футбол, и хоккей, и фигурное катание, и – скоростной бег, и прочее, и прочее, и прочее. В 1960-м лет ему было еще не так уж много, он только заканчивал среднюю школу, но эти привычки телезрителя обещали развиваться и крепнуть, с одновременным накоплением множества знаний, оказавшимися впоследствии, как мы видим, отнюдь не бесполезными

И туман, плотно окутавший мой мозг, стал понемногу рассеиваться, постепенно редеть и исчезать – и наконец-то стали возникать и как бы материализоваться картинки прошлого, мелькающие, как в волшебном фонаре. Стали проходить передо мной чередой черно-белые изображения телевизионного экрана, газетные страницы, радиопередачи – и всплывать имена, имена, имена... – Белоусова и Протопопов, Евгений Гришин, Лидия Скобликова... и многие, многие другие.

Так неужели здесь? Здесь, куда я сейчас могу запросто приехать – как, скажем, когда-то в Мытищи или Серпухов? «Так едем же скорее!» – воскликнула я, и мы, не долго думая, на следующий же день отправились в Скво Вэлли, куда от нашего Южного Тахо нам было от силы 40 минут на машине.

Мы въехали в эту долину, такую тихую в теплый летний вечер, доехали до центра деревни, поднялись на гондоле, окинув взглядом вид потрясающей красоты, раскрывшийся нам сверху – с озером, синей чашей лежащим на горизонте в окружении лесистых гор, – и дали себе слово обязательно приехать туда зимой.

И что же, через полтора года мы свое слово все-таки сдержали – в основном благодаря нашей невестке Лене, организатору и вдохновителю всяких поездок – и на рождественские каникулы мы все дружно тронулись в путь, с присоединившимися к нам друзьями сына.

Мы ехали на двух машинах – Дима, Даня и я на нашем Хайландере, а все остальные – на арендованном вэне. Впереди лежал путь длиной в 490 миль. Надо сказать, что дорога – это особенная и отдельная сторона отдыха, и даже эти 8-9 часов в машине до озера Тахо – хотя и утомительны, но как и всегда, полны новых впечатлений и радости.

И дорога-счастье, дорога-ожидание, дорога-предвкушение вела нас на север, в долину Сан Хоакин, в то зеленое пятно, которое вы можете увидеть на любой карте Калифорнии. Мы ехали через горный перевал, где на спуске нас ожидал обещанный синоптиками туман, который темным облаком клубился у входа в каньон, окутывая нас и закрывая от нас солнце; он каплями лег на стекла и зеркала и сократил видимость примерно до 200 метров. Однако, хоть нам и предлагали включить противотуманные фары (а их, к слову, у нас не было), они-таки и не были нужны, поскольку туман на деле оказался просто довольно низкой облачностью, и на шоссе видимость была около 2-2.5 миль.

Мелькали по сторонам поля и луга, сады и огороды, свинарники и коровники, апельсиновые и мандариновые роши, неожиданно огромные стада коров, виноградники, мотели, Мак-Дональдсы и зоны отдыха, где так приятно бывает остановиться и поразмяться, съесть свой некалорийный бутерброд и выпить кофе из термоса, приготовленный по особому рецепту.

Однако когда путешествуешь с Даней, то без МакДональдса (или чего-то подобного) никак не обойтись, и это посещение привносит новые впечатления и новую радость в наше путешествие, и искушение преодолеть не удастся (что ж, и Билл Клинтон не устоял!), и мы тоже радостно съедаем гамбургер с жареной картошечкой, запивая все это коричневатой жидкостью, которая почему-то называется кофе.

Так вот мы и ехали, и в районе ответвления шоссе на Сан Хозе и Сан Франциско облака стали подниматься все выше и выше, и постепенно засияло солнце, и так и провожало нас до самого конца нашего пути, когда мы, спустя два часа после Сакраменто, широким лесным шоссе номер 89 стали спускаться к городку Северное Тахо, лежащему на берегу озера, где мы и сняли квартиру – всего в 10 минутах езды от Скво Вэлли.

А теперь мне надо немного отклониться от описания нашего пути, наших машин, и нашей компании, чтобы вернуться снова к главной теме моего повествования – а именно, к Скво Вэлли, или к Долине Индианок. У нее, у этой долины, была, естественно, своя история, конечно же, совершенно неизвестная нам тогда, в те годы, когда мы все сидели, прикованные к черно-белому экрану, и страстно болели за наших, бьющихся на ледяных полях, мчащихся по лыжне, вихрем несущихся по ледяным дорожкам стадиона – и все на фоне заснеженных, поросших пушистыми соснами гор.

...В конце 1954 года в Скво Вэлли был всего один дом, один кресельный подъемник, да два бугельных, и еще небольшая гостиница на 50 комнат. Как-то однажды декабрьским утром некто Александер Кушинг, владелец этого небольшого лыжного курорта, просматривая газету Сан Франциско Кроникс, увидел статью, где говорилось о том, что Рино в Неваде и Анкоридж на Аляске собираются выставить свои кандидатуры для проведения Восьмой Зимней Олимпиады 1960-го года.

«Почему не Скво Бэлли?» – воскликнул Кушинг. А может быть, он и вовсе не воскликнул, а просто помолчал и подумал – однако, это уже неважно. Главное – что родилась идея, и это при том, что в Скво Вэлли ничего пока и не было. Но – с другой стороны – ведь все было! Были – горные склоны, огромная долина внизу, где хватит места на все – и на каток, и на лыжные трассы, и на отели, и на площадь для торжественных собраний, и на разнообразные здания; и он отчетливо увидел перед собой, как будет спущен с горы олимпийский факел, и там внизу будет зажжен олимпийский огонь.

Да, конечно, все было – только надо, чтобы и другие это увидели, надо убедить людей, что именно здесь и состоится Олимпиада, и именно сюда «все флаги будут в гости к нам». И это ему удалось – этот мечтатель обладал железной волей и неиссякаемым воображением. Он сумел увидеть то, что не каждому дано, и мечта постепенно обретала плоть и кровь и становилась реальностью.

Поначалу предложение Кушинга было встречено смехом. Но появилась статья, потом – другая, и постепенно идея стала овладевать умами. «Олимпиада.... в горах Калифорнии... с годовым снеговым покровом в 450 дюймов...» – так красиво это звучало, что постепенно стало казаться, что иного решения и быть просто не может, и Олимпийский комитет США

мгновенно утвердил именно Скво Вэлли для предложения на место проведения зимней олимпиады 1960 года.

Америка Америкой, но ведь был еще Международный Олимпийский Комитет – МОК по-нашему – который-то и должен был голосовать, а соперники были серьезные – Инсбрук, Сент-Мориц, Гармиш Партенкирхен. Президент МОК поначалу высмеял Олимпийский Комитет Соединенных Штатов, но... «Олимпиада принадлежит всему миру, не только Европе!» – таков был лозунг Кушинга.

При первом голосовании отпали Сент-Мориц и Гармиш Партенкирхен, а при втором при результате 32 к 30 победила-таки Скво Вэлли!

И было все построено, и построено вовремя – мосты, дороги, подъемники, трамплины, горнолыжные трассы, беговые дорожки и все остальное, и Долина готовилась принять гостей в феврале 1960 года. Но – беда! Снег – обещанный! – лежал лишь тонким покровом, и решался вопрос об искусственном снеге, о перевозке снега из других мест, но вдруг случилось чудо! В самый день открытия Олимпиады разразилась метель; снег сыпал и сыпал, уже грозя создать серьезные транспортные пробки на дорогах. И как раз в момент выхода на поле греческой команды – традиционно первой из команд в торжественном шествии – тучи внезапно разошлись и засияло солнце. И огромная стая – 2000 штук! – белых голубей взмыла в небо, символизируя единение и мир. И Кэррол Хейсс, будущая чемпионка в фигурном катании, произнесла торжественно клятву спортсменов Олимпиады. Так это началось, и Кушинг не мог скрыть слез радости, струящихся по его щекам...

Здесь много чего было «впервые». Представляю, как если бы это «впервые» было бы на Олимпиаде в Москве, радио и телевидение гремело бы об этом дни и ночи. Но тогда мы ничего и не знали, может быть, об этом и сказали, но, конечно, как всегда, вскользь. А было: впервые – в Западном полушарии; впервые – передачи по телевидению; впервые – компьютеры для учета результатов; впервые (да и в последний раз) – все спортсмены под одной крышей...

...И вот мы стоим перед этими воротами, на левый поворот с шоссе номер 89, по которому мы ехали из городка Тахо. Мы въезжаем в долину, слева от нас простирается огромное поле, по которому проходила Олимпийская лыжная трасса, и видим впереди деревню, в которой только 2 здания остались от прежних построек 1960-го. Все остальное – гостиницы, магазины – построена уже позже, на месте разрушенных зданий

60-х. Народу – не протолкнуться! Вот уж действительно международный курорт.

Все наши разбегаются кто куда – здесь несколько склонов, много подъемников. Санки, доски, лыжи... Я не еду на горных лыжах; уже и забыла, когда я вставала на них последний раз. Были такие лыжи под названием Мукачево (да, есть такой городок на Западной Украине); такие деревянные, отделанные железным кантом. А первые горки, где катались московские любители, были под Красногорском, у деревни Черная Грязь. Ездили туда на машине, брали термос с горячим чаем (термос такой был огромный, китайский, расписной – чуть ли не на 3 литра) и бутерброды. Это было, пожалуй, самое приятное для меня тогда – чай, не очень-то я любила лыжи, разве что по весне, когда снег уже становился влажным, и не так сильно было скольжение, тогда я и не боялась спускаться с самой высокой горы. Но это было так давно, и так прочно забыто, что я здесь просто брожу, дышу чистейшим горным воздухом, и наслаждаюсь окружающим миром.

А вечером мы идем на каток – он наверху, на горе, туда надо подниматься на фуникулере, или – гондоле, как тут его называют. Кажется поначалу, что это тот самый каток, где проходили все олимпийские соревнования, но – нет: тот, настоящий, был внизу, здесь только копия. Ветер тут сильный – едва ли не сбивает с ног, приходится даже одевать капюшон. Ах, какой же лед скользкий! Но ничего, удастся устоять – все же постоянные тренировки детства и юности не проходят впустую, и координация движений остается на всю жизнь. Не зря Анастасия Цветаева каталась на коньках даже в 80 лет!

Радостно катаемся, разрезая лед лезвием конька – как когда-то в Парке Культуры или же в Лужниках. Даня наш уже катается лучше, наконец-то научился отталкиваться ото льда, а девочки-малышки – только еще за руку, а еще лучше – за две.

А что самое необыкновенное и неожиданное здесь – это музей Олимпиады, как раз рядом с катком. На стендах – история Скво Вэлли – что здесь было, и что стало; здесь и плакаты, и реклама (куда уж без нее!), и – фотографии, и – статьи из газет. И у меня чувство, как будто я сейчас оказалась в Заэкранье, или – в Зазеркалье, и все то, что я видела и знала об Олимпиаде тогда, сейчас я наблюдаю с другой, с обратной стороны. И все то, что казалось так давно забытым, снова возвращается – да и не только Олимпиада, но и сама жизнь.

Надо сказать, что фотографий наших победителей маловато – статьи есть, а вот с фотографиями – поскупились, а ведь русские взяли медалей больше всех.. Но что ж удивляться, у нас было то же самое, и мы в основном печатали фотографии наших спортсменов. Холодная война – и на спортивных состязаниях...

Вот фотография Белоусова и Протопоповой – их знаменитый тодес (есть такая фигура в спортивном катании, кто не знает) – так и подписано: «Фигурное катание по-русски». Хотя они тогда заняли всего 9-е место, не зря их, видно, заметили – уже на следующей Олимпиаде, в Инсбруке, они были первыми, да и еще через четыре года, в Гренобле – снова первыми, уж не считая многочисленных побед на чемпионатах Европы и мира.

А вот еще знакомые имена: наши конькобежцы-скороходы Евгений Гришин и Виктор Косичкин. У каждого – по 2 золотых медали – у Гришина на средние дистанции, у Косичкина – на длинные. И в фильме, который постоянно показывают в уютном уголке музея, мы видим не экране крупным планом Евгения Гришина.

Все три призовых места – и все русские имена: Мария Гусакова, Любовь Баранова, Радья Ерошина. Равнинные лыжи, гонка на 10 км. Есть статья: «Русские женщины на лыжне забрали все медали». Фотографий их нет, но я их и так себе представляю: белокурые, широкоскулые, крепкие, мускулистые – такие вот русские валькирии.

Еще знакомое имя: Лидия Скобликова, коньки, две золотые медали – 1,500 м. И 3,000 м. На следующей Олимпиаде она возьмет золотые медали на всех конькобежных дистанциях среди женщин. Помню ее фотографию с этими четырьмя медалями, которые она прижимает к лицу. Но не только этим она знаменита. Тогда, прямо с Олимпиады в Инсбруке, чуть ли не с пьедестала почета, она обратилась к Никите Сергеевичу Хрущеву, бывшему тогда Генеральным Секретарем ЦК КПСС, с просьбой о приеме в партию. И Хрущев вот так прямо ее и принял в партию, вот только не помню, как ей тогда вручали партийный билет – уж не в Кремле ли? А самому Хрущеву на этом посту осталось быть чуть больше полугода.

Но хоккей! Даже сейчас, с кем там ни заговоришь, все знают: американцы выиграли Олимпиаду; русские проиграли. Да, третье место – для наших доблестных хоккейных воинов – это было большое поражение! И это в то время, как уже на предыдущей олимпиаде, в Кортина д'Ампеццо, мы уже были первыми, да и потом всегда боролись за первое место! «В хоккей играют

настоящие мужчины, русские играют в хоккей!» – хотя эта песня Пахмутовой еще, пожалуй, и не была написана в то время...

... И последним рейсом мы спускаемся обратно в деревню, где слабо мерцают огоньки, едва различимые сверху. Но вот огни становятся все ярче, все ближе – и гондола плавно причаливает к нижней станции. Уже почти что нет машин на парковке, и мы двигаемся к нашему дому.

И вот так и идут наши дни в Скво Вэлли. Разные склоны, разные подъемники, каток. Уроки – для детей и для взрослых, кто хочет. Мне становится завидно, и я начинаю подумывать – ах, не смейтесь, пожалуйста! – а не стать ли мне снова на горные лыжи, хоть на самый простой детский спуск?

Но пока я нашла место, где можно взять в аренду равнинные лыжи (так далеко они его запрятали, что едва найдешь!), и покататься по ухоженной лыжне – по той самой, олимпийской, где тогда наши женщины взяли все три призовых места в гонке на 10 километров. Совсем другие лыжи сейчас – пластиковые, короткие, чуть выше моего роста, а ведь раньше длину лыж замеряли по вытянутой вверх руке. «Новый стиль» – говорят. Но Дима так и не сдался, и взял себе самые длинные, которые смогли ему найти. Ботинки тоже, конечно, другие, и пристегиваются к лыжам одним щелчком.

И я опять уплываю своими мыслями в прошлое, в мое детство, когда меня впервые поставили на лыжи. Вначале были мягкие крепления, которые соскальзывали с валенок, да под пятками образовывались ледяные холмики, и валенки сваливались с лыж; так не вынеся этого, мне были куплены настоящие жесткие крепления, хорошие финские лыжи фирмы Карху, и хорошие кожаные ботинки, и все это обмудирование прослужило мне еще долгие, долгие годы. Училась кататься я в Лосинке, где мы тогда жили, вдоль железной дороги, и мои первые соревнования были в моем 2-м классе школы, когда я прошла километр что-то за 6–7 минут, и моя учительница физкультуры не могла этому поверить.

Как ей было поверить, когда, в школе выдавали для уроков лыжи с какими-то немыслимыми полужесткими креплениями – такая вот примета времени, помните у Визбора: «Словно полужесткие крепления...». Эти крепления и застегнуть-то на морозе было невозможно (представьте обледеневшие ремни и холодные пряжки, в которые ремни надо было продеть!) – а как потом бежать? Так что на них я никакого результата и показать не смогла.

Позже лыж было много в годы и детства, и юности – и в школе, и в институте; все еще и не в радость, а для сдачи разных норм и для соревнований. Помню и ледяно-холодные сарайчики для аренды лыж, промокшие варежки, замерзшие пальцы... Стужа, стужа, стужа... И – согревание в метро, где все равно было не согреться. А потом – уже лыжные прогулки для удовольствия, и – даже – большие переходы по 35-40 километров, когда мы с Димой переходили безо всякой лыжни, по полю и по лесу, от станции Турист Савелевской дороги до Абрамцева, Ярославской дороги.

...Прошлое исчезает, тая в воздухе улыбкой Чеширского кота, оставляя вокруг непередаваемое ощущение счастья, смешанного с грустью. И я возвращаюсь в настоящее, где стою в таких удобных и мягких лыжных ботинках, на этих узеньких пластиковых лыжах, и мне не холодно несмотря на ветерок, и светит солнце, и даже кое-где неглубокий снег подтаял, и прогалины просвечивают коричневой травой посреди заснеженного поля. И надо мной проплывают кресла подъемника, ведущего вверх, и я машу рукой своему внуку Дане, который вот сейчас, поднявшись на гору, пройдет трассой, по которой шли 40 с лишним лет назад неведомые ему чемпионы.

... Мы уезжали ранним воскресным утром, когда город притих в ожидании снегопада, и тяжелые облака низко нависли над свинцовыми водами озера. Мы уезжали, зная, что надолго запоем эту прекрасную неделю, которую мы провели в окружении великолепной природы, в кругу милых людей, и с той памятью сердца, которая добавила новое измерение и новую глубину к прекрасной картине, которая называется жизнью.